

ОБ УРОКАХ И ШКОЛЕ А.И. КАЩЕНКО: ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Корняков Василий Иванович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Ярославский филиал, кафедра экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vikorn1@rambler.ru

Вспоминаю непримечательный ярославский осенний день в 1958 году, когда я впервые поучаствовал в заседании кафедры политической экономии Ярославского педагогического института имени К.Д. Ушинского. На этом заседании я оказался не из любознательности и вообще не по своей воле. Только что в «верхах» было решено присоединить к пединституту им. К.Д. Ушинского провинциальный Рыбинский педагогический институт, в котором я тогда работал. Мы, преподаватели из Рыбинска, понятно, были ещё не устроены и жили в студенческом общежитии на Которосльской набережной. Кстати, там же жили и многие преподаватели Ярославского пединститута, в том числе почти вся кафедра политэкономии, включая самого заведующего.

Заседания начинались во второй половине дня, после утренних учебных занятий. Кафедра располагалась на втором этаже главного корпуса рядом со всем тогда известным Голубым залом. Я, конечно, пришёл первым, члены кафедры, приветствуя друг друга, заходили один за другим незадолго до начала.

О составе кафедры 1958 года надо сказать особо. Я вспоминаю его с особым, честно говоря, – молитвенным чувством. Я оказался в уникальном, можно сказать, фронтовом коллективе, подобранном самим А.И. Кащенко. Все преподаватели кафедры вернулись с фронтов Отечественной с орденами (вплоть до самых высоких) и ранениями (вплоть до тяжёлых), взялись за учёбу, в шинелях окончили ВУЗы. Сегодня никого из них уже нет в живых, и «мне часто снятся те ребята». Они сразу стали моими дружественными, но требовательными наставниками – и порознь, и вместе. Я был единственным не воевавшим, почти школьником. Дисциплина на кафедре была абсолютной. Они понимали свою работу как свой долг перед Отечеством, за которое они пролили кровь, истово доходя до успеваемости, личности каждого отдельного студента. В 1958 году они, конечно, уже сняли гимнастёрки, но их невидимые контуры ещё угадывались в их жестикуляции, осанке, походке фронтовиков.

И вот, волоча огромный туго набитый портфель, появился шеф. Несколько выше среднего роста, пожалуй, даже высокий, стройный, темно-русый, с приятными правильными чертами лица и высоко посаженной, несколько как бы откинутой назад большой головой с залысинами на висках. Ему было много за сорок, но выглядел он моложаво, генерируя вокруг себя какую-то особую энергетику. Пиджак и брюки были простыми, разных цветов и фасонов, но хорошо подходившими друг к другу. С открытого лица с зоркими глазами выражение некоторой ироничности мгновенно уступало место концентрированной серьёзности, но возвращалось опять и опять. Его всегда деловые конструктивные, хорошо продуманные постановки и решения по-фронтовому доброжелательно принимались коллегами, завершаясь шутивными резюме с обеих сторон. Внимательно следя за происходящим, я ещё не понимал, что началась простёртая на десятилетия самая плодотворная стержневая составляющая моей жизни – уроки и школа Александра Ивановича Кащенко.

Первые три года были, большей частью, уроками, порой весьма жёсткими. В глубине души я чувствовал, что профессионально я ещё беспомощен, котёнок, но мне этого ещё никто не говорил. Кафедра, посетив мою лекцию, растерзала меня. Вслед за этим состоялось посещение открытой лекции на ту же тему уже самого шефа, проведённой им так, что её стенограмму можно было сразу издавать. Шеф куда как предметно учил меня (да и всю кафедру) мастерству.

Три года пролетели у меня в коллективе кафедры в самом плотном общении с шефом и членами в самой напряженно-требовательной, а ныне самой памятно-сладкой для меня обстановке малых и больших уроков мэтра. Постепенно стало приходить понимание, что я – счастливый человек: не каждому даются судьбой такое учение и такой учитель. Но по не зависящим, ни от меня, ни от Александра Ивановича обстоятельствам мне пришлось через три года покинуть пединститут. Позже обстоятельства изменились, шеф позвал меня обратно, но я уже не мог прервать новых обязательств. Однако я не хотел лишаться ни своего ученичества, ни учителя. Мне стало понятно, что уроки Александра Ивановича сами собой смыкаются в его школу и что я только лишь у её входа. Оказавшись вне коллектива кафедры, я уже вполне сознательно-благодарно цеплялся оставаться членом его команды, непременно участвовал во всех неумолимо организуемых им научных дискурсах и мероприятиях, издательских предприятиях, регулярных сборниках. Несмотря на его, можно сказать, космическую занятость, периодически случались частные встречи-беседы, встречи-обсуждения. Я пил и пил из этого фонтанирования самобытных мыслей, образов, обобщений, «выжимок» его размышлений и колоссальных знаний, добываемых-прибавляемых долгими часами ночной работы, после которой он без перерыва бодренько отправлялся читать студентам свои лекции.

Не могу себе простить, что не записывал сказанного им, хотя, бывало, днями ходил во власти услышанного. А когда тяжело больной Александр Иванович незадолго до кончины прислал мне свои последние записи, счёл своей обязанностью передать их самому, мне представляется, верному-преданному хранителю его научного и литературного наследия, – д.э.н., проф. Терентьеву Михаилу Алексеевичу. Не сомневаюсь, что полный научный разбор этого наследия – дело грядущих поколений отечественных учёных. И попытаюсь представить по памяти некоторые пока ещё отдельные-неполные штрихи к его научному портрету.

Прежде всего, до уроков-школы А.И. Кашенко я весьма нечётко и туманно представлял себе, чем я занимаюсь. Политическая экономия... В МГУ, где я учился, много раз слушал разъяснения её предмета крупнейшими специалистами и сам пересказывал их другим. Экономические отношения объективны, внешни для субъектов... Но многое ли в нашей жизни не является внешним для наших воли, желаний, сознания? Восприятие предмета науки отжималось сонмом необходимостей, в которые в любой момент суток погружён каждый человек. Их поток, как дыхание, безотрывно сопровождает всё бытие любого человека, каждый его шаг. Александр Иванович своим поведением, постановками, пониманием демонстрировал совершенно особый, не допускающий смешения с чем бы то ни было статус, исключительность экономических сущностей в нашем мире и наших жизнях. Экономические сущности были для него высшим таинством человеческого бытия, сакральной силой, непреложно управляющей людьми.

Мы чрезвычайно мало знаем политическую экономию, производственные отношения, – разъяснял он мне (вспоминаю, повторяюсь, по памяти). Они не то, что мы рассказываем нашим студентам. Если мы будем стремиться рассказывать о них «то», – мы запутаем студентов, утонем в объяснениях и не продвинемся в разъяснении учебного курса. Материальные, по преимуществу вещественные отношения, свойства действительно произведённых продуктов, товаров, действительных денег, строго говоря, не наш предмет. То, что нам надо изучать – это не сами товары и деньги, а материальные объективные природно-социальные необходимости в товарах, деньгах, таких-то их свойствах. Но они недоступны для прямого изучения. У нас, увы, одна

только сила абстракции. Смотри, какой здесь получается долгий и трудный путь. Люди вынуждены «схватывать» непреложные необходимости своей экономической практикой, появляются реальные товары и деньги с их реальными свойствами. Экономисты обобщают именно эту практику, формулируют законы, категории, учат студентов. Но кто гарантирует, что их категориальный ряд вполне совпадает с подлинным предметом нашей науки – с задаваемыми производительными силами, самой природой объективными необходимостями? Маркс и Энгельс говорят нам о значительной степени совпадения, без этого человечество бы погибло. Но ошибки, и притом тяжёлые, конечно, есть, их не может не быть, и поэтому история человечества так запутана, противоречива. Ещё Чернышевский говорил, что это не перспектива Невского проспекта. Люди порой просто бродят, мыкаются по своей собственной истории, не зная и не понимая таинства экономики.

Я не раз слышал упрёки в адрес кашенковской концепции непосредственно общественного продукта (НОП), что она оторвана от реальных отношений обиходной хозяйственной жизни. Но она не может не быть оторванной от конкретной хозяйственной действительности, ибо имеет дело не с нею, а с сущностями весьма высокого порядка.

Александр Иванович хорошо понимал эти тернии и трудности своей теоретической работы. НОП виделся ему ёмким-синтетическим диалектически выстроенным вещественным выражением, конструктом главного объективного производственного отношения, к которому естественно-исторически неуклонно подходит-подбирается наша пока ещё, преимущественно, капиталистическая цивилизация, но момент определенности, которого пока ещё вполне не кристаллизовался. Он с учениками исследовал системосозидающие, системоустремительные силы, социально и естественно влекущие социум к возвращению в нём составляющих этого непростого отношения богатейшего социально-экономического содержания. Единство этих сил предопределено, я бы теперь сказал, уже единством экономического «строительного материала» НОП. Это – единая всеобщая трудовая воспроизводственная субстанция (о ней – далее), образованная непрерывно изменяющимся сцеплением своих форм, порождаемых и возглавляемых живым трудом. Хорошо известно, что живой труд нигде не существует и не может существовать без соучастия в любом своём процессе целого созвездия овеществлённых трудов. А решающим фактором вызревания экономических отношений, приближающих НОП, является не что иное, как центральная «пружина» экономического прогресса, динамизма, – повышение производительности труда. Хотя сплетение противоречивых сил современности может не только тормозить и ослаблять процесс, но даже обращать его вспять.

А.И. Кащенко не сомневался в богатстве социально-экономического содержания НОП и не раз сетовал, что наш общий – его и нас, его учеников – анализ весьма недостаточно воссоздаёт это содержание. В наших коллективных монографиях, исследовавших НОП, мне он поручал раздел об экономическом движении НОП. Организуя исследования НОП, он отталкивался от методологии самого научного, развёрнутого, достоверного, глубокого исследования капитализма в «Капитале» К. Маркса. Вполне самостоятельно он, как в МГУ проф. Н.А. Цаголов, отверг позицию Института экономики АН СССР, что метод «Капитала» неприменим для анализа будущего некапиталистического общества. Александр Иванович рассуждал: капитализм существует не сам по себе, а как звено в последовательности исторической эстафеты социумов, в котором отдельные звенья и сменяют, и предполагают друг друга. И по всему тексту «Капитала» рассыпаны соотнесения с социальными системами, предшествующими капитализму, а также с последующим экономическим строем. По мнению А.И. Кащенко, всё это не оставляет сомнений, что в содержании и структуре «Капитала» успешно реализован не специальный, разработанный лишь применительно к капитализму, а общий метод исследования экономического строя как такового, и наша задача – творчески применить его к системе экономических отношений, сконцентрированных в НОП.

У К. Маркса сущность основного производственного отношения, охарактеризованная им в первом томе его труда, далее раскрывается и обогащается в своём экономическом движении, почему во втором томе обрисовывались закономерности этого движения. Живописав мне примерно такими словами, стоящую передо мной проблему, шеф опять посетовал, что и ему, и другим членам авторского коллектива в экономическом содержании НОП трудно даётся с надлежащей убедительностью и обстоятельностью раскрытие экономической сущности НОП. Сама перспектива создания именно НОП должна быть ярко привлекательной для членов общества, – объяснял он мне. Уже в ней должны быть отблески материального и духовного «царства свободы», которое его производство открывает каждому члену общества. Здесь надо искать и показать новые источники высшей производительности труда, эффективности производства. Это надёжнее всего закрепило бы социальную перспективу НОТ. И снова к моим задачам: пошире посмотри на проблему, не ограничивайся написанием текста своего раздела. Ведь экономическое движение не только маскирует сущности, но и делает их в каких-то аспектах более различимыми, приближает к сфере явлений. Работа в этом направлении должна значимо, а может быть, и принципиально продвигать также и постижение сущности НОП. Просчитывай на приближенном к практике материале метаморфозы экономического движения, всматривайся в детали, думай, применяй новые методики, ищи пока невидимые для нашего глаза закономерности. Впереди немеряные вёрсты интенсивных исследований. Я не сомневаюсь, что мы далеко не всё знаем.

В одной из таких бесед, проходивших либо на кафедре, либо у него на квартире, он обратил моё внимание на органичность перерастания порученной им мне проблематики (экономического движения НОП) в проблематику воспроизводственного движения – общественного воспроизводства НОП. Сейчас, заметил он, у нас просто нет сил поработать по этому обещающему направлению. Здесь проявление общих и пока не очень понятных законов всего мироздания. Предприятия, объединения и социум – аналог солнечных систем и Галактики. Точно так же, как во взаимоотношениях Земли и Солнца с Галактикой, несомненно, неоткрытого куда больше, чем открытого, в системе предприятия (объединения) – общество, не сомневаюсь, сохраняется немало тайн. Это когда-то люди, может быть, станут удивляться: неужели было время, когда наши деды-прадеды этого не знали. А мы же пока занимаемся, главным образом, добычей знания. Тебя устраивает, что реализацию общественного продукта мы до сих пор раскрываем без учёта роли основного капитала, хотя все видим растущее-определяющее значение капиталовложений? Было немало попыток дополнить классические схемы Маркса, но ты знаешь хотя бы одну научно убедительную?

Я просто не в состоянии воспроизвести многочисленные реплики Александра Ивановича по текущим научным спорам-дискуссиям: ведь ничего не стенографировалось, и я могу нечаянно исказить его мысли. Нашей научной молодёжи порой представляется, что только в её среде пылают споры, сталкиваются мнения. В действительности, и тогда, в эпоху А.И. Кащенко, всё кипело. Членам кафедры, прошедшими огни и воды Отечественной, до всего было дело, они ничего не боялись. Почти на каждом заседании они высказывались и спорили по проблемам социально-экономической злобы дня. И подлинным украшением этих споров всегда были заключения, даже реплики шефа, обильно сдобренные народным юмором, нестандартными примерами, метафорами и сравнениями. Помню, например, споры по поводу критериального показателя эффективности общественного производства, когда мнения разделились. Были сторонники того, что вещественные факторы, овеществлённый труд не только пассивный соучастник созидания продукта, но и его соинициатор. Александр Иванович был решителен, категоричен. Вся инициативная творящая сила – лишь у живого труда. Вещественные факторы участвуют одним лишь «телом», а глаза, разум и руки – только у работника, его живого труда. Позднее, прослеживая по шагам каждое движение каждого «кванта» воспроизводственной субстанции, я убедился в его полной правоте. Увеличение-уменьшение основного капитала, текущих материальных затрат сами по себе не заключают

увеличения-уменьшения производимого продукта. Они означают удлинение-сокращение (во времени) только сроков поступления обществу производимого продукта и изменение производительной силы живого полезного труда. Активное созидание – лишь за ним.

Я не скрывал своего ученичества у А.И. Кащенко, много рассказывал о нём на московской кафедре ВЗФЭИ, в Ярославском филиале которого я работал. Зав. кафедрой, д.э.н., проф. Сорокина И.Ф. познакомилась с концепцией и трудами Александра Ивановича, согласилась с рядом его постановок и по своей инициативе ездила в Ярославль на его юбилей, выступила с приветствием, а потом организовала его выступление в Москве на одном из мероприятий кафедры. Она без колебаний одобрила мои намерения работать по направлениям, подсказанным им, и мне не раз доставалось от неё за то, что, имея такого учителя, я так мало и так медленно двигаюсь вперёд.

Как бы то ни было, беседы и всё общение с мудрецом, вся его школа, образовав как бы его завещание мне, всецело определили мою дальнейшую жизнь в науке, направленность сотен моих публикаций.

Так, цикл моих работ посвящён трудовой экономической субстанции и модели её движения. Сам термин Спинозы «субстанция» не раз звучал (и сейчас звучит) в экономической теории, однако не получил в ней какой-либо определённости. Александр Иванович говорил нам: «Посмотрите на живой и овеществлённый труды. Разве не чудо? Мгновение – и живой уже овеществлённый. Казалось бы, что может быть ближе, роднее, одинаковей? Но какие кричащие, вопиющие различия между ними. Мы сами понимаем это и объясняем это нашим студентам?» Размышления над этой и другими репликами А.И. Кащенко привели меня к убеждению, что более всего им соответствует рассмотрение живого и овеществлённого трудов в специфическом единстве. Я и обозначил термином «трудовая воспроизводственная субстанция» эту особенную-таинственную целостность живого и группы овеществлённых трудов, в которой каждая составляющая не может ни возникнуть, ни существовать-функционировать без других, и все предполагают «настоящность» и (кроме «отца» – живого труда) – специфические «вещности» друг друга.

Оказалось, что, кроме марксовых схем реализации совокупного продукта, имеют значение числовые схемы превращения друг в друга форм субстанции, начиная с её порождения живым трудом. Здесь очень строгие количественные соотношения, диктуемые техническим уровнем общественного производства. Такая-то масса живого труда в состоянии создать лишь столько-то овеществлённых трудов таких-то форм и в итоге лишь столько-то конечных продуктов, воспроизводящих живой труд. А живой труд – природная сила. Рассматриваемая модель – абстракция естественно-общественной структуры объективно-необходимого, объективно-неизбежного «разлива» трудовой субстанции по своим органическим формам. Получается, Природа посредством созданной ею человеческой цивилизации как бы «разливает» поток трудовой субстанции, подчинённый экономическим законам (действующим опять же как законы естественные), по определённой массе конечных результатов, воссоздающих-развивающих саму цивилизацию. Для чего?

В ряде публикаций я присоединился к мнению ныне покойного П.Г. Кузнецова, опершегося на замечательное открытие украинского учёного-энциклопедиста С.А. Подолинского, достоверно-научно установившего, что производительность живого труда – единственный (единственный!) процесс в известной нам Вселенной, не рассеивающий, а концентрирующий энергию. Так не для того ли Природа потратила 4 миллиарда лет, чтобы создать себе уникальную негэнтропийную творящую силу?

Но модель движения субстанции ставит не одни только мировоззренческие-философские вопросы. Она способствует расширению знаний в традиционных областях политической экономии, особенно в теории общественного воспроизводства. А.И. Кащенко опять же был прав, говоря мне, что экономическое движение само собой перерастает в воспроизводственное. Общественное

воспроизводство нельзя повернуть вспять, чтобы посмотреть, что там такого было в таком-то году. А модель – проекцию «разливного» устройства субстанции – можно. Поток субстанции можно через ту же модель её движения умозрительно «пролить» в любой предшествующий год. И открывается новый, неизвестный науке, никогда не исследовавшийся ею мир, – своего рода «подземелье» общественного воспроизводства. Конечно, всякий овеществлённый труд образован живым трудом разных лет. Но последний оказался вовсе не спёкшейся-слившейся массой, какой мы все в своих рассуждениях оперируем. Она выстроена (самой Природой) в упорядоченные структуры, условно названные мной «объёмными». И главное: каждая из этих структур обладает собственным весьма чётким экономическим содержанием. Например, одна из них – съём конечных результатов с данной массы вновь затрачиваемого живого труда – можно утверждать, идеально количественно характеризует-определяет эффективность данного общественного воспроизводства.

А.И. Кащенко советовал мне не жалеть времени на кропотливое – в деталях – изучение экономического, в том числе воспроизводственного движения субстанции: ищи непонятное, неожиданное. И цитировал мысль нобелевского лауреата акад. Н.Н. Семёнова о том, что счастье учёного – это выявление-нахождение противоречия. Я вспоминал эти слова шефа, просиживая месяцами за обчётами (на «Элке» в подсобке Моторного завода: помощь моего давнего ныне покойного друга) своей модели народнохозяйственного движения экономической субстанции. Вообще-то нудное дело, тягомотина. Но я ничего не замечал: одна за другой обнаруживались неожиданности, о которых я и не подозревал, и мной руководил инстинкт охотника. Я сейчас не собираюсь рассказывать о них, – я же пишу о моём любимом учителе, а не о себе. Но об одной актуальнейшей находке не могу не сказать.

Наша экономика сейчас в нокдауне. И, по мнению министра А. Улюкаева, ей не распрямиться, не видать высоких темпов аж в ближайшие 15 лет. Министр призывает россиян привыкнуть к этой ситуации [1; 49] (и эта ужасная рекомендация при её реализации, понятно, означает конец). Но общественность уже осознаёт, что дело не в ценах на нефть, что позднюю советскую и нынешнюю российскую экономику стреноживает один и тот же тяжкий недуг. «Российская газета» пишет об этом: «Сменился государственный строй, экономический уклад... Но что-то главное, «генетический код» остался – сырьевая рента + административная рента как основа Социальной системы. Просто за последние 20 лет этот скелет обнажился, стал грубо наглядным... Масса факторов – от постоянных «надежд на Великое Прошлое» (историческая рента) до быстрого упадка Большой науки и технологий – признаки прогрессирующей неконкурентоспособности...

В «лихие 90-е» была перезагрузка – переход от Госплана к рынку... Но сейчас все эти драйверы – отработали. Рынок (уж какой есть!) создан, молодёжь рвётся не в бизнесмены, а в «административные рантье», а золотую рыбку (в нефтегазовом море) не поймёшь – зело капризна.

Так какие же у нас резервы? Какие конкурентные преимущества? Рабочая сила дорогая – по сравнению с другими БРИКСами, производительность – низкая по сравнению с ЕС, а «экономика знаний» вроде не идёт дальше планов и клятв.

Отлив... Экономический? Социальный? Системный? Исторический? А есть ли способ «вызвать прилив», кроме нового прилива нефтедолларов?» [2; 3].

Эта пронзительно честная, прямая и научная постановка – какие у страны ресурсы спасения (от улюкаевского пятнадцатилетнего «привыкания», то есть гибели) требует такого же ответа. Красивые химеры вроде «экономики знаний» (когда массы молодёжи отказываются даже от чтения) – не ответ. Надо же прямо-научно-честно показать: вот он, спасающий ресурс, и вот оно, спасение. Вот доказательства.

Пока их не видно – не слышно. Но, уверен, по всей стране идёт поиск. Ищут научные коллективы, ищут индивидуалы. Наш – мой и моих единомышленников-учеников – ответ на

сакраментальный вопрос публикуется в №5 за 2014 год электронного журнала, редактируемого доктором экономических наук, профессором В.А. Гордеевым – «Теоретическая экономика» [3]. Интересующиеся могут прочесть, я же упоминаю здесь об этом по одной причине. Наши ответ, доказательства найдены нами в поиске в той зоне исследований, которую когда-то указал мне Александр Иванович Кащенко – там, где законы экономического движения НОП прорастают законами его общественного воспроизводства.

Подлинный учитель не покидает своих учеников, даже уйдя из жизни. Оказавшись вне времени, он духовно остаётся в нём, присутствуя в их земных постижениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Улюкаев А. Привыкнуть к реальности / А. Улюкаев // Российская газета. – 2014. – 30 дек. – С. 49.
2. Радзиховский Л. Отлив / Л. Радзиховский // Российская газета. – 2015. – 1 сент. – С. 3.
3. Корняков В.И. Вселенско-космическая тайна двойственности труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info/articles/867.pdf>